

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-162-187

УДК 81-114.4

С.А. Пономарева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Сингулятивы в говорах Западнодвинского района Тверской области

Настоящее исследование посвящено образованию сингулятивов с помощью суффиксов *-ин(а)* и *-ин-к(а)* в говорах деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области (псковская группа). Модели образования сингулятивов в диалектах более разнообразны, чем в литературном языке. В работе проводится корпусный анализ продуктивности формантов *-ин(а)* и *-ин-к(а)*. Описаны общие правила образования сингулятивов в исследуемых говорах, особенности формантов и их семантика. В заключении представлены выводы о продуктивности моделей и особенностях их использования в изучаемом диалекте.

Ключевые слова: сингулятив, диалекты русского языка, словообразование

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пономарева С.А. Сингулятивы в говорах Западнодвинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 162–187. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-162-187

S. Ponomareva

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

Singulatives in the dialects of the Zapadnodvinsky district of the Tver region

This paper discusses the singulatives formed with suffixes *-in(a)*, *-in-k(a)* and others in the dialects of the villages of Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Stepankovo and Pyatiusovo of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. The methods of word formation are similar to standard Russian, but singulatives seem to be more diverse than in other dialects. The paper provides a statistical and qualitative analysis of the productivity of the suffixes *-in(a)* and *-in-k(a)*, investigates their semantics and distribution.

Key words: singulative, Russian dialects, word formation

FOR CITATION: Ponomareva S. Singulatives in the dialects of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 162–187. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-162-187

1. Введение

Настоящая работа посвящена сингулятивам: существительным, основное значение которых – единичный представитель или небольшая часть множества.

Цель работы – описать модель образования сингулятивов в говоре деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области и оценить ее продуктивность. По диалектной классификации русских говоров К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, говоры деревень Пятиусово, Шетнево и Макеево относятся к псковской группе говоров и находятся на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от западных (смоленских) говоров [Захарова, Орлова, 1970].

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) сингулятивы обычно образуются с помощью суффикса *-ин(а)* (*горох* > *горошина*), диминутивного суффикса *-к(а)* (*мармелад* > *мармеладка*) или их сочетания *-ин-к(а)* (*горошина* > *горошинка*) [Kagan, Nurmio, 2024]. В отдельных случаях в образовании сингулятивов участвуют суффиксы *-иц(а)*, *-ок*, *-як(а)*, но эти модели считаются малопродуктивными [Русская грамматика, 1980, с. 204–205].

Среди говоров модель словообразования сингулятивов на *-ин(а)* и *-ин-к(а)* считается продуктивной и регулярной на территории северной и западной диалектных зон¹. Разнообразие дериватов в говорах описывается в работах Ю.С. Азарх [Азарх, 1973, 2000] и Л.Г. Яцкевич [Яцкевич, 2018] по диалектному словообразованию. В их трудах также обозначены некоторые интересные отличия сингулятивов от СРЛЯ: образование вторичных сингулятивов (*дрова* > *дровина* > *дровинина*), активные деривации от вещественных существительных (*мука* > *мучина* ‘щепотка муки’) и общее многообразие дериватов. Для этих же территорий характерны дублиеты, образованные от конкретно-предметных существительных: *мальчишка любил лизать железо* (предмет из железа) и *буде только лизать йету железину* [Азарх, 2000, с. 135–136].

Исследователи подходят к изучению диалектного словообразования с разных сторон. Ю.С. Азарх в первую очередь опирается на лингвогеографический и исторический контекст. Производные слова, модели, средства и способы словообразования представляются как объекты картографии. Пространственная проекция позволяет выявить различия и сходства в словообразовательной системе разных диалектных групп, а также представить историю формирования языковых явлений [Азарх, 2000, с. 9–10]. Л.Г. Яцкевич считает, что содержание слова неотделимо от конкретной ситуации общения, поэтому отказывается от деривационного подхода в ряде случаев. Так как направление развития значения слова далеко не всегда очевидно, важно анализировать контекст высказывания [Яцкевич, 2018, с. 7–10].

В нашем исследовании образование сингулятивов рассматривается на синхронном уровне, а территория ограничена рассматриваемым кустом деревень. Большая часть этой работы посвящена анализу примеров, что похоже на подход Л.Г. Яцкевич. Тем не менее, работы Ю.С. Азарх также оказали влияние на ход исследования и помогли вписать наши сведения в картину диалектного словообразования.

¹ Все единицы диалектного членения выделяются согласно работе [Захарова, Орлова, 1970].

Статья состоит из нескольких разделов. Во втором разделе описаны общие правила образования сингулятивов по модели *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, некоторые особенности формантов и общие свойства сингулятивов в СРЛЯ и диалектах. В третьем разделе подробно описаны используемые методы и источники, а также способ разметки материала. Четвертый раздел состоит из трех частей, в каждой из которых рассматриваются семантические особенности каждой релевантной, на наш взгляд, модели, а также проводится сопоставление имеющихся данных с материалом, описанным в литературе. В пятом разделе обсуждается продуктивность моделей образования слов с суффиксами *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, а в заключении приведены краткие выводы.

2. Определение сингулятива

Как и в СРЛЯ, самой продуктивной стратегией образования сингулятивов в диалектах является суффиксальный способ с помощью форманта *-ин(а)* и его сочетания с диминутивом. В ряде исследований (например, [Kagan, Nurmio, 2024]) предлагается выделять три различных форманта: *-ин(а)*, *-ин-к(а)* и *-инк(а)*. Мы же остановимся на двух формантах, *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, т.к. считаем, что размер диалектных корпусов и экспедиционные материалы недостаточны для разграничения *-ин-к(а)* и *-инк(а)*.

Кроме сингулятивов, с помощью суффикса *-ин(а)* образуются аугментативы (*дом* > *доми́на*), отаждективные существительные (*высокий* > *вы́шина*), партитивы (*штаны* > *штани́на*), собирательные существительные (*скот* > *скоти́на*), наименования пространств (*болото* > *болоти́на*) и слова некоторых других лексико-семантических групп. Это разнообразие деривационных возможностей, несомненно, интересно, но в рамках данной работы не рассматривается.

Фонетически и просодически эта словообразовательная модель также не отличается от СРЛЯ. Конечный согласный основы перед этим формантом смягчается, заднеязычные чередуются с шипящими: *орех* > *орешина* [Русская грамматика, 1980, с. 204–205].

Ударение в сингулятивах связано с акцентной парадигмой производящей основы, в частности – схемой ударения А: ударение закреплено на определенном слоге основы, не являющимся окончанием, и ударение не сдвигается при склонении [Зализняк, 2002, с. 380–381]. Если производящая основа принадлежит акцентной парадигме А, то ударение в сингулятиве сохраняется на том же слоге: *ягода* > *ягоди́на*, *картон* > *карто́нина*, *помидор* > *помидо́ринка*, и др. Если производящая основа принадлежит к другой парадигме, то не следует точным

правилам и может падать на суффикс (*кирпич* > *кирпичина*, *гриб* > *грибина*, и т.д.) или на предшествующий суффиксу слог (*колбаса* > *колбасина*, *струна* > *струнка*). Это же правило работает в СРЛЯ [Русская грамматика, 1980, с. 204–205] и соблюдается в исследуемом материале.

Однородные по своей семантике слова образуют лексико-семантическую группу. Некоторые лексико-семантические группы состоят из производных слов. В первую очередь в зависимости от их семантической связи с производящей основой в отечественном словообразовании выделяется три типа: мутационный, модификационный и транспозиционный. Сингулятивы не являются однородной группой, объединенной лексическим значением, но отличаются от производящей основы по одним и тем же семантическим признакам. То есть сингулятивы находятся в отношении семантического включения по отношению к своим производящим: множество их денотатов является подмножеством денотатов производящего. Таким образом, сингулятивы относятся к модификационному словообразовательному типу [Земская, 1992; Азарх, 2000].

Мы будем считать сингулятивами все слова, которые образованы по описанной выше модели и удовлетворяют следующим семантическим признакам:

- 1) предмет или часть вещества, выделенные из числа подобных предметов или вещества;
- 2) нерасчлененность, т.е. самая малая возможная часть множества, которая не может члениться дальше, сохраняя при этом соотношенность со множеством;
- 3) определенность.

Эти признаки описаны в работах [Русская грамматика, 1980, с. 204–205; Азарх, 2000, с. 134; Nurmio, 2023, с. 6–7]. Всеми этими признаками обладает слово *лушина* в примере (1):

- (1) *Лук висел. Я лушину² поглотил и лёг спать.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, АBB1948)

Лук обозначает некоторое множество однородных объектов (луковиц), из которого информантом извлекается одна конкретная единица – *лушина*, самая малая часть описываемого множества. Подобные

² Произношение [ш] вместо [ч] в этом примере является индивидуальной особенностью информанта, вызванной проблемами с артикуляцией. Эта особенность проявляется и в других словах, которые употребляет этот информант: *пешка* вместо *печка*, *решка* вместо *речка* и т.д. Однако мы находим этот пример удачным для иллюстрации соображений, высказанных выше.

вхождения можно назвать прототипическими сингулятивами, поскольку они удовлетворяют всем вышеобозначенным признакам. Тем не менее, в третьей части работы можно увидеть, что не всегда сингулятивы обладают полным набором этих свойств.

3. Данные и методы

Основной материал взят из двух корпусов международной лаборатории языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: корпус говора деревни Пятиусово³ и корпус говора деревень Шетнево и Макеево⁴. Примеры были отобраны вручную посредством вычитки представленных текстов и их последующего прослушивания. Часть материала была получена во время экспедиции в деревню Пятиусово в мае 2025 г. и на момент написания статьи не опубликована.

В первую очередь были выбраны вхождения сингулятивов, образованных с помощью *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, но в работу также включены несколько примеров на *-иц(а)*. Всего наша работа включает анализ почти 50 контекстов.

Отобранные данные были размечены в двух таблицах. Первая представляла собой разметку слова в контексте и содержала следующие параметры:

- 1) источник (один из двух корпусов или экспедиция);
- 2) информант;
- 3) контекст, достаточный для понимания значения сингулятива и очерчиваемого им множества;
- 4) словоформа;
- 5) начальная форма;
- 6) суффикс (*-ин(а)*, *-ин-к(а)* или другой);
- 7) ударение;
- 8) акцентная парадигма производящей основы;
- 9) упрощенное описание значения сингулятива в данном контексте.

Пример заполнения показан в таблице 1.

³ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения: 21.03.2025).

Пример разметки
[Example of marking]

Источник [Source]	Информант [informant]	Контекст [Example]	Форма [Wordform]
Корпус деревень Шетнево и Макеево [Corpus of Shetnevo and Makeevo]	ГИП1953	И чеснок, и лук посажено, и три помидорины	помидорины

В таблице 2 доступные лексемы были проанализированы изолированно от контекста. Одна строка соответствовала одной производящей основе:

1) sgt in – дериват на -ин(а) или прочерк при отсутствии в представленном материале;

2) sgt ink – дериват на -ин-к(а) или прочерк при отсутствии в представленном материале;

3) sgt dim – дериват с диминутивным суффиксом или прочерк при отсутствии в представленном материале;

4) base – производящая основа;

5) char.base – вещественные существительные (mass noun), собирательные (natural unit) или исчисляемые (count noun); это классификация производящей основы, которая также использовалась в [Nurmio, 2023];

6) sem – семантическое поле, к которому относится денотат: продукт, растение, материал или другое; овощам и другим плодам растительного происхождения был присвоен ярлык ‘растение’, метонимические отношения ‘плод’ – ‘растение’ будут подробнее рассмотрены в следующей части.

Пример заполнения показан в таблице 2.

Таблица 2

Пример разметки деривата изолированно от контекста
[Example of marking a derivative in isolation from context]

sgt in	sgt ink	sgt dim	base	char.base	sem
помидорина	помидоринка	–	помидор [tomato]	natural unit	Продукт [Food product]

Таблица 1

деривата в контексте
a derivative in context]

Начальная форма [Lemma]	Суффикс [Suffix]	Ударение [Stress]	Акцентная парадигма [Stress paradigm]	Описание [Description]
помидорина	-ин(а)	помидо́рина	а	Малое количество (3) растений [A small number of plants]

Для исследования лингвострановедческой географии было необходимо сравнить данные исследуемых говоров с данными других корпусов (подробнее см. раздел 5). Эти примеры были отобраны менее скрупулезно, не были детально проанализированы в этой работе и не включены в таблицы разметки. Поиск сингулятивов в других корпусах осуществлялся посредством CQL запросов [lemma='.*ина'%с & tag='NOUN.*'%с] и [lemma='.*инка'%с & tag='NOUN.*'%с], примеры прослушивались, но вычитка текстов не производилась. Хотя лемматизация диалектных словоформ нередко вызывает сложности при автоматической обработке, с нашим материалом программа справляется неплохо.

4. Семантика суффиксов

Сингулятивы в говорах имеют свои семантические разновидности и отличия от СРЛЯ. В диалектной устной речи широко распространена вторичная деривация сингулятивов с помощью сингулятивных суффиксов -ин-, -ин-к(а), -иц(а) и некоторых других. Вторичные сингулятивы (например, *дровинина* и *облачинина*) особенно характерны для новгородских и псковских говоров [Азарх, 2000, с. 135]. В говорах северной и западной диалектных зон отмечаются названия частичек вещества, небольшого количества продуктов, название одной части пищевых запасов, одной таблетки лекарства, кусочка материи и т.п. [Там же]. Нередко образуются сингулятивы от названий растений, которые могут обозначать как вид растения или совокупность растений этого вида, так и отдельный экземпляр этого растения [Яцкевич, 2018, с. 116–118].

В каждом пункте подраздела приводится подробный анализ релевантных примеров на три суффикса: -ин-, -ин-к(а), -иц(а).

4.1. Семантика суффикса *-ин(а)*

Модель на *-ин(а)* является основным способом образования сингулятивов и насчитывает больше всего вхождений в корпусах.

Семантическая группа ‘растение’ представлена следующими сингулятивами: *гриб* > *гриби́на*, *брусница* > *брусни́чина*, *картошка* > *карто́шина*, *картофель* > *карто́фелина*, *лук* > *лу́шина*, *орех* > *оре́шина*, *перец* > *пе́рчина*, *свёкла* > *свёклина* (примеры (1)–(14)).

- (2) *И чеснок, и лук посажено, и три **помидори́ны**.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

В примере (2) информантка рассказывает про кусты помидоров, растущих в ее огороде. Производящая основа *помидор* может указывать как на само растение, так и на плоды. Такими же свойствами обладает и производный сингулятив.

- (3) *Там ничего сложного нету, семена я свои вот эти, допустим, помидоры ем, а хорошую **помидори́ну** берешь семена, на бумажку кладешь и высохло.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЛНГ1954)

В примере (3) информант противопоставляет редкий, хороший плод, из которого он достает семена, остальным.

Производящие основы *картофель* (прост. *картошка*) и *орех* могут реферировать к растению целиком и к его плодам, как и *помидор*. Тем не менее, *карто́шина* отсылает только к клубням и не зафиксировано употреблений в значении ‘ботва’ (см. примеры (4)–(7)).

- (4) *Без соли никуда! Попробуйте без соли скушать **карто́шину!*** (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

- (5) *Мы возьмём с Галькой откроем мешок, всё равно сколько-то хочется **карто́шин**, возьмём сварим и выловим съедим.* (Корпус деревни Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

- (6) *Бывало смотришь – кучки лежат, отобрано себе – какая надо, какая понравилась. Какая тебе **карто́шина**... Зачем, не трогайте, все в это, в мешки.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

- (7) Мясо покипит-поварится, туда кладу **карто́шину**, кладу **карто́шину** одну, капусту. Это все варится, карто́шину потом вытягиваю, растолку ее и опять туда ложу.
(полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

С другой стороны, картофелина употребляется в значении ‘растение картофеля вместе с клубнями под землей’:

- (8) И мне-то и надо всего пять **карто́фелин**. Больше не потребуется. (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)

В примере 8 информант говорит о том, что ей достаточно небольшого количества растений для пропитания. Урожай в пять клубней не может долго кормить и потому не может интерпретироваться как нечто достаточное. Поэтому самой логичной кажется интерпретация именно с растением целиком. В отличие от карто́шины, вхождение карто́фелина всего одно и проанализировать другие употребления пока не представляется возможным.

Другой сингулятив, **оре́шина**, служит для обозначения куста ореха, а для плодов используется дериват, образованный посредством диминутивного суффикса -ек, – **орешек**. В примере (9) хорошо видно, как разные модели образования сингулятивов используются для указания на разные компоненты значения производящей основы:

- (9) Бывало сознаем эту **оре́шину**, и **орешки** обрываем.
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Остальные примеры этой группы более однозначно реферируют к одному компоненту растения, т.к. производящее слово не обладает семантической вариативностью:

- (10) Компот, например, **бруснічину** больше любишь. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1949)
- (11) А теперь вон вывалили весь (всей) бор, бывало, вон там самые грибы за Щелкино, там теперь всё. Вывалены этот бор, там уже **грибы́ны** не найти. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)
- (12) Остальное кладу ее в банку, поллитровую, какая есть, поллитровая, кладу на них перцу, две штучки **пе́рчины** поллитровую, лавровый лист туда. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

- (13) *Тогда натру я **свёклину** на терке, пожарю ее, туда луку.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (14) *Сейчас первые **ягодины** поспеют, он (сахар) подскочит к осени (в цене).* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ПВВ1942)

Другая семантическая группа, которая часто служит источником сингулятивов, – это продукты питания и лекарства [Азарх, 2000, с. 135]. На нашем материале такие дериваты также были обнаружены: *анаприлин* > *анаприли́нина*, *колбаса* > *колба́сина*, *конфета* > *конфе́тина*, *котлета* > *котле́тина*, *печенье* > *пече́нина*, *рыба* > *ры́бина*, *шпроты* > *шпрóтина*. (примеры (15)–(24)).

- (15) *Сразу таблетку, **анаприли́нину**, и пройдет всё.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (16) *У меня тут от давления **анаприли́нина**, анаприлин есть.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (17) *Ну когда чистишь эту **колба́сину** примерно, ну её вот снимаешь эту плёнку, ну потребление идет уже чистое.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1948)
- (18) *В первом классе были подарки подушечки, голые подушечки назывались. <...>. Там, может, в кулек 6–7 **конфе́тин** завернуто.* (полевые материалы 2025 г., д. Пятиусово, ЗЕС1942)
- (19) *А иной раз так хочу с чаем попить. Ну возьму одну **конфе́тину**, всё равно возьму.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (20) *Кости эти варю, разрублю и кидаю, а с мякоти можете хоть **котле́тин** испечь, хоть там что вы делаете.* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Примеры (10), (14), (17) и (20) примечательны тем, что дериваты на *-ин(а)* в них никоим образом не отличаются от значения производящих основ. Насколько мы можем судить, данные пары (*ягодины* – *ягоды*, *брусни́чина* – *брусника*, *колба́сина* – *колбаса*, *котле́тины* – *котлеты*) не обладают ни одним из признаков сингулятивов, перечисленных

в первой части. Не соответствуют представленные лексемы и определению сингулятивов как объекта или небольшой части множества, ведь они описывают неограниченное и, судя по контексту примеров (10) и (14), немаленькое множество. Это так называемые дублиеты сингулятивов, которые используются для усиления выделенности или экспрессии [Азарх, 2000, с. 135–136].

Их возникновение может быть связано с модификационным типом данной модели: более тесная связь с производящей основой облегчает семантический переход.

- (21) *Чай сладкий же нельзя. С чем его? Всё равно **печёнину** овсяную спиваю с кружкой чая, овсяное только печенье.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (22) *Одна **шпрóтина** я скажу, ну а так – одна банка шпрот.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, НПР1963)
- (23) *Один раз взяла две штуки, две **рыбины**, и на сковороде, что поела остальное засохло.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)
- (24) *Вспомнила, как раньше делали. Так я эту рыбу... следующим разом взяла две **рыбины**, чуть-чуть пожарила ее, ну немножко, один раз обернула и все.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

Примеры (1)–(24) называют представителей множества, состоящего из однородных компонентов. Семантическая группа ‘материал’ не всегда описывает членимое множество. В примере (25) информант описывает, как люди передавали кирпичи по цепочке для постройки храма, что повторяет уже знакомые случаи.

- (25) *Стоят вот (люди): **кирпичину** я следующему передаю.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЛНГ1954)

В примерах (26)–(29) ситуация отличается. Сингулятивы образованы не от названия членимого множества и соотносятся с произвольным количеством этого материала.

- (26) *Сделали, и печка была вон там обогнувши внутри **желёзина**, где там перекрыта было и она обвалилась, согнуло её от жары.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

- (27) *Я говорю, я хотя с этим глазом плохо вижу, но всё-таки я дома хожу и я что-то себе приготовлю, что-то где-то подотру, хоть где какая **шумі́на** останется, но а что будешь делать.*
(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

В примере 27 информант используется сингулятив шумі́на (диал. ‘частица пыли’) для описания малого количества грязи, чтобы подчеркнуть свою чистоплотность.

- (28) *Там это окно, где большое, там уже разбито всё было, этой **карто́ниной** забито это окно.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

- (29) *Смороды нонче не=, как-то красненькой немножко, вот накрыла этой **тю́линой** эту, клюют пташки.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

В примерах же (28)–(29) сингулятив, скорее всего, не представляет собой небольшое количество, ведь объекты считаются достаточного размера, чтобы закрыть собой окно и кусты смороды (диал. ‘смородина’), которые не так уж и малы по сравнению с человеком. В этих контекстах из семантических черт сингулятива на первый план выходят определенность и выделенность, а не единичность.

Не всегда представляется возможным выявить различия между дериватом и производящей основой. Например, дериваты в примерах (29)–(32) не выделяют составные единицы множества и почти не отличаются семантически от производящей основы. Если заменить их, то значение предложений не потеряет однозначность и не приобретает новых смыслов. Тем не менее, благодаря контексту сингулятивы все еще достаточно определены для говорящего, а потому уникальны и выделены.

- (29) *Резали мужики. Теперь колют, кто держут, режут, газовую лампу. А раньше на костре. Была **жерд́ина**, ноги связывают, три с одного боку, три – с другого.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

- (30) *Я сама паслась в поле. Корова обходит – его чувствует. И я раз пошла, посмотрела, а там такая **кожурі́на** как бы с мой стол.*
(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (31) *Зимой факел. Делали. Факел из такая... Негожая одежда. Её так... В комок делали, связывали. Потом на **прово́лочину**, или на палку.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(32) Ну съ... этого слегу **проволóбчиной** протыкали и подвешивали.
(Корпус деревень Шетнево и Макеево, АПБ1940)

(33) А если кто к ней подходит, то (индюк) летит сразу: это **соплíна** такая, здесь борода такая красная. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АBB1949)

Пример (33) уникален тем, что демонстрирует метафорический сдвиг значения: мясистый отросток у клюва индюка сравнивается с соплями. Форма сингулятива подчеркивает единичность данного объекта, а также его сильноную выделенность у птицы.

Таким образом, семантика сингулятивов, образованных с помощью форманта *-ин(а)*, варьируется от обозначения конкретной части множества до выражения небольшой порции или небольшой доли. В говорах отмечаются названия частичек веществ, растений, продуктов, материалов и лекарств. Кроме того, зафиксированы сингулятивные дублеты, не выполняющие функцию уменьшения или выделения части, а служащие для усиления выразительности. Возможно, сингулятивы достаточно склонны к дублированию.

4.2. Семантика суффикса *-ин-к(а)*

Авторы исследования [Kagan, Nurmio, 2024] приходят к выводу, что значение сингулятивов на *-ин-к(а)* композиционно: часть множества маленького размера.

Ю.С. Азарх делит сингулятивы на *-ин-к(а)* на следующие группы:

- 1) диминутивы от сингулятивов на *-ин(а)*;
- 2) экспрессивные образования от сингулятивов;
- 3) частицы или небольшое количество вещества, названного производящей основой;
- 4) названия одной из однородных частей предмета, названных производящей основой;
- 5) вторичные сингулятивы от *-ин(а)*, утратившие значение единичности [Азарх, 1973, с. 87–88].

Описание Ю.С. Азарх более подробно и лучше соотносится с нашими данными, ведь сингулятивы на *-ин-к(а)* действительно не всегда реферируют к предметам малого размера. Описание [Kagan, Nurmio, 2024] подходит для примеров типа (34)–(38):

(34) Ай, боже мой, а там поестъ такого ничего было, совсем по чуть-чуть. Ой, тут сколько-то **сырíнок**, сколько-то **колбасíнок**, пока рот раскрывала – нету колбасы, пока туда, ой. (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Информантку пригласили на банкет и ее удивила подача знакомых продуктов: сыр и колбаса были мелко нарезаны и нанизаны на шпажки. *Сыри́нок и колбаси́нок* было не мало, но каждая представляла собой частичку продукта, а диминутивный суффикс подчеркивает небольшой размер кусочков.

Продукты питания и овощи из примеров (35)–(38) тоже небольшого размера в малом количестве.

- (35) *Вы печенье, **конфэтинки** по од= возьмите себе, угоститесь. Я вам **помидóринок** принесу.* (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (36) *Могу угостить вас, по **помидóринке** дать вам.* (Корпус деревни Пятиусово, ЕВМ1937)
- (37) *Но всё равно, хоть по две **картóшинки**, но всё равно мы унесём оттуда...* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (38) *Возьмёшь одну-две **конфэтинки** и к чаю.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1948)

В примерах (39)–(40) говорящие описывают входную дверь, состоящую из одной створки, которая никак не может быть маленькой. Эти употребления подходят для четвертой группы по [Азарх, 1973, с. 87–88] – названия одной из однородных частей предмета, названных производящей основой.

- (39) *Я открываю все время **двери́нку**, я люблю тепло.* (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, АВВ1948)
- (40) *На улице **двери́нка**, и ты идёшь у той две=, не тут грязь носишь, по всей, а прямо вот туда, с этого, с улицы.* (Корпус деревни Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

В примере (41) диминутив, строго говоря, необязателен: струны – это достаточно тонкий материал, чтобы подчеркнуть худобу ног. И тем не менее здесь снова представлена пара суффиксов *-ин-к(а)* для усиления выразительности сравнения

- (41) *У неё сейчас ножки со **стру́нинки**.* (Корпус деревень Шетнево и Макеева, АПБ1940)

В части примеров сингулятивы на *-ин-к(а)* обладают композиционным значением ‘часть множества маленького размера’, однако

сингулятивы по этой модели часто выполняют экспрессивную или выделительную функцию, что не сводится к семантике каждой части.

4.3. Семантика суффикса *-иц(а)*

Наиболее существенные отличия от представленной в литературе информации свойственны вещественным существительным из семантических групп ‘пищевой продукт’ и ‘жидкость’: *мучина*, *водина*, и другие [Азарх, 2000, с. 135].

На нашем материале подобные дериваты не зафиксированы. Если говорящий хочет все-таки образовать сингулятив со значением ‘малая часть рассыпчатого пищевого продукта или жидкости’, то он использует диминутивный суффикс *-иц(а)*: *мука* > *мучи́ца*, *соль* > *со́льца*, *вода* > *води́ца* (примеры (42)–(45)):

(42) *Здесь я мучи́цы добавила, чтобы они порыхлее были.*

(Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(43) *Что найдешь на плиты – завтракай, и я ещё было*

еще со́льца туда. (полевые материалы 2025 г., деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ПВВ1935)

(44) *Может, попить, детка? Попей води́цы.* (Корпус деревни

Пятиусово, ЗЕС1942)

(45) Интервьюеры: *Да. Воздухом подавилась, и горло...*

ЗЕС1942: *А, воздухом. Так бывает, да. Попей води́цы.*

(Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Тот факт, что диминутивный суффикс используется для передачи типично сингулятивного значения, не кажется чем-то удивительным. Например, *-к(а)* тоже достаточно активно участвует в словообразовании (ср. *мармелад* > *мармеладка*). Формант *-иц(а)* также может образовывать сингулятивы в СРЛЯ, но эта модель считается непродуктивной [Русская грамматика, 1980, с. 204–205].

Нам кажется важным отметить, что дистрибуция *-иц(а)* в наших данных шире, чем в СРЛЯ. Отмечается конкуренция моделей названий ягод на *-ик(а)* (*брусника*, *голубика*, *земляника*, *черника*) и на *-иц(а)* (*брусница*, *голубица*, *земляница*, *черница*) [ДАРЯ, карта 86], которая сохраняется и на момент публикации настоящей работы.

Вторичных сингулятивов по модели *-ин(а)* или *-ин-к(а)* на нашем материале также не обнаружено, что отличает наши данные от ситуации, описанной в литературе [Азарх, 1973, 2000].

Нечто похожее на вторичные сингулятивы содержится только в дериватах с несколькими диминутивными суффиксами, одним из которых является *-иц(а)*: *вода* > *води́ца* > *води́чка* и *мука* > *мучи́ца* > *мучи́чка* (см. пример (46)).

(46) *Сейчас пекут драники, натрут картошку, немножко води́чку солят, туда яйца, мучи́чки, и ложкой туда.* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Таким образом, у нас есть основания полагать, что на исследуемой территории *-иц(а)* так же участвует в образовании сингулятивов, как и форманты *-ин(а)* и *-ин-к(а)*, но более ограничен семантически.

5. Продуктивность словообразовательной модели

В [Haspelmath, 2002, p. 129] приведено несколько способов количественной оценки продуктивности словообразовательной модели: подсчет представленных в языке дериватов, оценка количества теоретически возможных дериватов, подсчет неологизмов, отношение числа уникальных вхождений (*hapaх legomena*) ко всем дериватам и другие. Из-за малого объема корпусов, которыми мы ограничиваемся в этом разделе, мы испытываем методологические ограничения.

Хотя сравнивать материал исследуемых корпусов проблематично, но сделать общие выводы о продуктивности словообразовательной модели в границах рассматриваемого материала мы можем. Первое важное свидетельство в пользу высокой продуктивности – разнообразие форм. Это может быть косвенным свидетельством того, что окказионализмы легко рождаются в речи. Также зафиксированы образования от неологизмов – названий лекарств: *анаприлин* > *анаприли́нина* (примеры (15), (16)). Можно заключить, что модель действительно продуктивна в исследуемых диалектах.

Мы не ставим себе целью сравнить продуктивность модели относительно СРЛЯ, т.к. диалектологические корпуса намного меньшего объема и потому плохо сопоставимы. Можем лишь аккуратно заметить, что лексемы *грибина*, *тюлина* и *колбасинка* не обнаружены в основном корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁵, хотя эти лексемы (как и их производящие) не являются специфически диалектными или устаревшими. У другой части лексем в основном корпусе НКРЯ достаточно скромное количество вхождений: *сыринка* – 3, *конфетинка* – 3, *помидоринка* – 3, *печенина* – 2, *проволочина* – 2, *картонина* – 1.

⁵ Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) (дата обращения: 20.09.2025).

Провести количественное сравнение между диалектными корпусами представляется возможным и логичным. Это поможет понять, действительно ли для северной и западной диалектных зон свойственна большая продуктивность модели образования сингулятивов, чем для других.

Нами был выбран следующий способ оценить продуктивность: подсчитать отношение количества лемм сингулятивов, которые образованы по модели *-ин(а)* или *-ин-к(а)*, к общему числу лемм в корпусе. Все измерения представлены в таблице 3. Количество лемм было подсчитано отдельно и представляет собой примерное число, т.к. доступные лемматизаторы неидеально справляются с расшифровкой диалектного материала.

Наиболее выделяются три корпуса – деревни Пятиусово, Хиславичского района и деревень Шетнево и Макеево. Отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм 0,002 на основной исследуемой территории, что является самым большим числом на нашей выборке. Корпус говоров Хиславичского района обладает меньшей долей сингулятивов (0,0006), но по количеству чистых вхождений занимает второе место. Нами зафиксировано 10 сингулятивов, в то время как в других корпусах количество сингулятивов не превышает пяти.

По диалектной классификации русских говоров К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, говоры деревень Пятиусово, Шетнево и Макеево относятся к псковской группе говоров и находятся на ее юго-восточной границе в непосредственной близости от западных (смоленских) говоров, к которым относятся говоры Хиславичского района [Захарова, Орлова, 1970]. Следовательно, эти говоры территориально близки и могут иметь сходные языковые признаки. Возможно также влияние белорусских говоров, близко к границе которых располагается наша исследуемая территория.

Корпуса севернорусского наречия не отличаются столь разительно. Корпус деревень Средней Пёзы, корпус деревни Кеба, корпус деревень Средней Пинеги, корпус деревни Веегора, корпус деревень Средней Северной Двины и корпус села Церковное насчитывают от 0 до 4 вхождений сингулятивов, отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм от 0 до 0,001 (среднее – 0,00052).

Западные корпуса, которые не граничат со смоленскими говорами, также не демонстрирует разнообразия сингулятивов: корпус деревни Лужниково (0 вхождений) и корпус района озера Ильмень (3 вхождения).

Таким образом, запечатленные в таблице 3 результаты подсчетов позволяют лишь сделать аккуратное предположение, что модель образования сингулятивов на юго-восточной границе псковской группы говоров и западных (смоленских) говоров имеет более продуктивный характер по сравнению с другими диалектными группами.

Таблица 3

Данные диалектных корпусов [Dialect corpora data]

Корпус [Corpus]	Количество сингулятивов [Number of singulatives]	Объем корпуса без речи интервьюеров, токены [Tokens in the corpus]	Объем корпуса, леммы [Lemmas in the corpus]	Отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм [The ratio of the number of singulatives to the total number of lemmas]
Корпус деревень Шетнево и Макеево [Corpus of Shetnevo and Makeevo] ¹	14	95 395	5770	0,002
Корпус говора деревни Пятиусово [Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo] ²	9	96 537	5499	0,002
Корпус опочецких говоров [Corpus of Opochetsky dialects] ³	3	68 743	4867	0,0006
Корпус Хиславичского района Смоленской области [Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district] ⁴	10	296 389	16289	0,0006
Корпус говоров Ильменского Поозерья [Corpus of Ilmen Lake district] ⁵	3	128 004	7097	0,0004
Лужниковский корпус [Luzhnikovo Corpus] ⁶	0	85 490	–	–
Корпус говоров низовья рек Лух и Теза [Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lukh and Teza rivers] ⁷	5	146 394	7235	0,0007

Корпус говора села Роговатка [Corpus of Rogovatka dialect] ⁸	5	120 218	7048	0,0007
Корпус говора села Поповка [Corpus of the Russian dialect spoken in Popovka] ⁹	2	36 617	3458	0,0006
Корпус говоров окрестностей Михайлова [Corpus of the Russian dialect spoken in the Mikhaylov area] ¹⁰	1	39 109	2975	0,0003
Корпус донских диалектов [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Don river] ¹¹	2	91 942	6275	0,0003
Корпус говора деревни Нехочи [Corpus of the Nekhochi dialect] ¹²	1	88 965	5218	0,0002
Корпус говора села Малинино [Corpus of the Malinino dialect] ¹³	1	138 992	7731	0,0001
Корпус говора сел Свишни и Тростное [Corpus of the Russian dialect spoken in Svishni and Trostnoe] ¹⁴	0	22 894	–	–
Корпус говора села Церковное [Corpus of the Russian dialect spoken in Tserkovnoe] ¹⁵	4	39 469	3365	0,001
Корпус говоров среднего течения Северной Двины [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Northern Dvina] ¹⁶	3	68 011	4482	0,0007

Продолжение табл. 3

Корпус [Corpus]	Количество сингулятивов [Number of singulatives]	Объем корпуса без речи интервьюеров, токены [Tokens in the corpus]	Объем корпуса, леммы [Lemmas in the corpus]	Отношение количества сингулятивов к общему количеству лемм [The ratio of the number of singulatives to the total number of lemmas]
Корпус говора деревни Веегора [Corpus of the Russian dialect spoken in the village Veegora] ¹⁷	3	91 517	5660	0,0005
Корпус говоров Средней Пинеги [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pinega] ¹⁸	1	43 266	3705	0,0002
Корпус говора села Кеба [Corpus of the Russian dialect spoken in Keba] ¹⁹	1	54 535	4194	0,0002
Корпус говоров Средней Пёзы [Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pyoza] ²⁰	0	79 566	–	–

¹ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 21.03.2025). [Ron'ko R., Azanova A., But'enko Z. et al. Corpus of Shetnevo and Makeevo 2022, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo> (accessed: 20.09.2025).]

² Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025). [Ronko R.V., Ageeva E.V., Antsupova A.V. et al. Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (accessed: 20.09.2025).]

- ³ Ронько Р.В., Вольф Е.А., Гребёнкина М.Ю. и др. Корпус опочечских говоров 2019, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (дата обращения: 20.09.2025). [Ronko R., Volf E., Grebyonkina M. et al. Corpus of Opochetsky dialects 2019, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁴ Рыко А.И., Спиричева М.В. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <https://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения: 20.09.2025). [Ryko A.I., Spiricheva M.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <https://lingconlab.ru/khislavichi/> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁵ Малышева А.В., Дьяченко С.В., Тер-Аванесова А.В. Корпус говоров Ильменского Поозерья. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/novgorod> (дата обращения: 20.09.2025). [Malysheva A.V., Dyachenko S.V., Ter-Avanesova A.V. Corpus of Ilmen Lake district. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/novgorod> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁶ Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (дата обращения: 20.09.2025). [Malysheva A.V., Ter-Avanesova A.V. Luzhnikovo Corpus. 2021. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁷ Кувшинская Ю.М. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <https://lingconlab.ru/lukhteza/> (дата обращения: 20.09.2025). [Kuvshinskaya Yu.M. Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lukh and Teza rivers. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <https://lingconlab.ru/lukhteza/> (accessed: 20.09.2025).]
- ⁸ Тер-Аванесова А.В., Дьяченко С.В., Колесникова Е.В. и др. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <https://lingconlab.ru/rogovatka/> (дата обращения: 20.09.2025). [Ter-Avanesova A.V., Dyachenko S.V., Kolesnikova E.V. et al. Corpus of Rogovatka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <https://lingconlab.ru/rogovatka/> (accessed: 20.09.2025)]
- ⁹ Князев С.В. Корпус говора села Поповка. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/popovka> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Popovka. 2024. Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/popovka> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁰ Князев С.В. Корпус говоров окрестностей Михайлова. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/mikhaylov> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the Mikhailov area. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/mikhaylov> (accessed: 20.09.2025).]

Окончание табл. 3

- ¹¹ Флягина М.В., Калиничева Н.В., Северина Е.М. Корпус донских диалектов. 2022–2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: https://lingconlab.ru/don_rnd (дата обращения: 20.09.2025). [Flyagina M.V., Kalinicheva N.V., Severina E.M. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Don river. 2022–2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: https://lingconlab.ru/don_rnd (accessed: 20.09.2025).]
- ¹² Тер-Аванесова А.В., Дьяченко С.В., Корпечкова Е.В. и др. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. URL: <https://lingconlab.ru/nekhochi/>. (дата обращения: 20.09.2025). [Ter-Avanesova A.V., Dyachenko S.V., Korpechkova E.V. et al. 2020. Corpus of the Nekhochi dialect. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory HSE University, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/nekhochi/>) (accessed: 20.09.2025).]
- ¹³ Тер-Аванесова А.В., Балабин Ф.А., Дьяченко С.В. и др. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/malinino/> (дата обращения: 20.09.2025). [Ter-Avanesova A.V., Balabin F.A., Dyachenko S.V. et al. Corpus of the Malininino dialect. 2019. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science. URL: <https://lingconlab.ru/malinino/> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁴ Князев С.В. Корпус говора сел Свишни и Тростное. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/yelets> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Svishni and Trostnoe. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/yelets> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁵ Князев С.В. Корпус говора села Церковное. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/tserkovnoe> (дата обращения 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Tserkovnoe. 2022. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/tserkovnoe> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁶ Князев С.В. Корпус говоров среднего течения Северной Двины. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/dvina> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Northern Dvina. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/dvina> (accessed: 20.09.2025).]

- ¹⁷ Князев С.В. Корпус говора деревни Веегора. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/veegora> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the village Veegora. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/veegora> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁸ Князев С.В. Корпус говоров Средней Пинеги. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pinega> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pinega. 2023. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/pinega> (accessed: 20.09.2025).]
- ¹⁹ Князев С.В. Корпус говора села Кеба. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/keba> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in Keba. 2022. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language. URL: <https://lingconlab.ru/keba> (accessed: 20.09.2025).]
- ²⁰ Князев С.В. Корпус говора Средней Пёзы. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyoza> (дата обращения: 20.09.2025). [Knyazev S.V. Corpus of the Russian dialect spoken in the villages of the Middle Pyoza. 2022. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/pyoza> (accessed: 20.09.2025).]

6. Заключение

Дистрибуция суффиксов *-ин(а)* и *-ин-к(а)* несколько уже, чем описано в литературе для говоров западной диалектной зоны. На нашем материале не зафиксировано вторичных сингулятивов. Также не зафиксированы дериваты от семантических групп 'жидкость' и 'рассыпчатый пищевой продукт', зато такие сингулятивы могут получаться с помощью диминутивного суффикса *-иц(а)*. Ограничения в словообразовательной системе данного говора нуждаются в более тщательном исследовании.

Тем не менее, разнообразие окказионализмов позволяет сделать вывод, что модель образования сингулятивов активна в повседневной речи носителей изучаемого диалекта.

Библиографический список / References

Азарх, 1973 – Азарх Ю.С. К истории сингулятивов в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования / отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1973. С. 61–90. [Azarh Ju.S. Towards the history of singulatives in Russian Language. *Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas: materialy i issledovanija*. R.I. Avanesov (ed.). Moscow: Nauka, 1975 (1973). Pp. 61–90. (In Rus.)]

Азарх, 2000 – Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000. [Azarh Ju.S. Russkoe imennoe dialektnoe slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte [Russian nominal dialectal word-formation in the linguistic and geographical aspect]. Moscow, 2000.]

ДАРЯ – Дialeктологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. III. Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004. [Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka: Centr Evropejskoj chasti SSSR [Dialectal atlas of Russian language: Center of European part of SSSR]. R.I. Avanesov, S.V. Bromley (eds.). Issue III. Part 2. Syntax and lexicon. Moscow, 2004.]

Зализняк, 2002 – Зализняк А.А. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. [Zaliznjak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannyh работ po sovremennomu russkomu jazyku i obshhemu jazykoznaniju [Russian nominal inflection with an appendix of selected works on modern Russian and general linguistics]. Moscow, 2002.]

Захарова, Орлова, 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. [Zacharova K.F., Orlova V.G., Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, 1970.]

Земская, 1992 – Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. [Zemskaja E.A. Slovoobrazovanie kak dejatel'nost' [Word-formation as an activity]. Moscow, 1992.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980. [Russkaja grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1. Moscow, 1980.]

Савчук и др., 2024 – Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С.О. Савчук, Т.А. Архангельский, А.А. Бонч-Осмоловская и др. // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34. [Savchuk S.O., Arhangelskij T.A., Bonch-Osmolovskaya A.A. et al. The National Corpus of the Russian Language 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy yazykoznanija*. 2024. No. 2. Pp. 7–34. (In Rus.)]

Яцкевич, Колесова, 2018 – Яцкевич Л.Г., Колесова И.Е. Типологические особенности русского диалектного словообразования. Вологда, 2018. [Jackevich L.G., Kolesova I.E. *Tipologicheskie osobennosti russkogo dialektного slovoobrazovaniya* [Typological features of Russian dialectal word-formation]. Vologda, 2018.]

Haspelmath, 2002 – Haspelmath M. Understanding morphology. Oxford University Press, 2002.

Kagan, Nurmio, 2024 – Kagan O., Nurmio S. Forth. Diminutive or singulative? The suffixes *-in* and *-k* in Russian. *Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains*. S. Manova, B. Arsenijević, L. Grestenberger, K. Korecky-Kröll (eds.). Berlin, 2024. Pp. 65–88.

Nurmio, 2023 – Nurmio S. Towards a typology of singulatives: Definition and overview of markers. *Number categories: Dynamics, Contact, Typology*. D. Arbes (ed.). *Studia Typologica*. Vol. 32. Berlin, 2023. Pp. 155–182.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Пономарева Светлана Алексеевна – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Svetlana A. Ponomareva – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5899-3422>

E-mail: saponomareva@edu.hse.ru